

Да, в последние 10 лет жизни Михаил Васильевич Исаковский болел, не мог плодотворно работать, даже что-то самостоятельно записывать из-за плохого зрения. Он все время находился дома. И только в исключительных случаях выбирался на люди.

Одним из таких случаев стала его поездка в Литературный институт им. А.М. Горького. Видимо, из-за того, что этот институт носил имя великого писателя, который принял деятельное участие в его литературной судьбе, похвалил в печати в 1927 году стихи из первой книжки поэта «Провода в соломе».

Будучи корреспондентом альманаха «Студенческий меридиан», я в стенах Литинститута побеседовал с поэтом. Однако материал так и не появился в «Студенческом меридиане», так как это издание преобразовали в глянцевого журнал ЦК ВЛКСМ. А в «Малом ЦК» посчитали нецелесообразным печатать в журнале с огромным тиражом беседу с Исаковским. Дело в том, что его имя ассоциировалось с именем опального Твардовского, его земляка и ученика.

Прошли годы... Разбирая недавно свой архив, я наткнулся на рукопись своей давней беседы с поэтом и увидел, что мысли Исаковского актуальны по сей день. Поражает, насколько серьезно относится Михаил Васильевич к поэтическому слову, к песне, как дорожит своим именем и не гонялся за заказной, а значит, хорошо оплачиваемой работой. Сейчас, к сожалению, песенный жанр в кризисе. С конца восьмидесятых до сегодняшнего дня, по существу, не написано ни одной песни, которая бы получила народное признание. А у Исаковского было множество популярных, по сути, народных песен. Эта публикация имеет и хороший повод – 60 лет назад опубликовано стихотворение «Враги сожгли родную хату» («Знамя», № 7). Оно стало самой его пронзительной песней о войне. Музыку, как и к знаменитой «Катюше», написал Матвей Блантер.

– Наверное, не любые стихи могут стать песней? Какие стихи и почему могут лечь на музыку, какие нет?

– Песни я разделяю на две категории. Есть такие, которые независимо от того, написана на них музыка или нет, существуют как самостоятельные художественные произведения, которые можно не только петь, если музыка написана, но и читать как стихотворение.

Большинство же песен имеют слова, которые существуют только при музыке. Петь еще вы их можете, но читать не станете, потому что они очень плохие. Мы давно боремся за качество литературы. Значит, необходимо писать песни хорошо, которые бы и с музыкой звучали, и без нее.

Имеет ли песня какую-то свою особенность? По-моему, имеет. Во-первых, ее слова должны быть очень прозрачными, свободными, легкими, чтобы вам не приходилось о них спотыкаться.

Текст песни должен быть простой. В стихи не нужно напихивать разных деталей. Возьмите такие строчки, выражающие очень простые события:

*По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперед,
Чтобы с боем взять Приморье –
Белой армии оплот.*

Тут все просто, а каждая строка логически завершается. «По долинам и по взгорьям» – пейзаж. Дальше идет характеристика Приморья. Действие все время развивается, потому что песне нельзя топтаться на месте.

Например, стихотворение «Песня» я сочинил по песенным канонам, однако хорошие песни не получилось. Почему? Из-за отсутствия действия, от избытка деталей. Там было и «лето» знойное, и «голова курчавая», и «роща с садом». Попробуйте пропеть, и ничего не запомните.

– Случалось ли, что вы писали стихи, не зная, что они станут песней?

– Таких случаев было много. Вообще, поэт-песенником я сделался случайно. Кажется, в 1935 году пошел в кино в Москве. Киножурнал перед началом сеанса рассказывал о художественной самодельности колхозов. И вдруг слышу, что хор поет знакомые мне слова. Я узнал свое стихотворение «Вдоль деревни». Оказалось, что Хор имени Пятницкого взял это стихотворение из школьной хрестоматии и положил на музыку. Затем песня пришла в деревню, где ее запели. Позже я встретился с руководителем хора. Он меня попросил дать ему еще какие-нибудь стихи. Я предложил стихотворение, которое стало потом песней. – «Дайте в руки мне гармонию, золотые планки». Вскоре появилась еще одна моя песня «И кто его знает...» Так началась, если можно так выразиться, моя песенная карьера.

– Пишете ли вы на готовую музыку?

– Так делают многие поэты. Иногда композитору понравился мотив, но нет слов.

Михаил ИСАКОВСКИЙ: ПТИЦЫ УЛЕТАЮТ, А Я – ОСТАЮСЬ...

ФОТО ИТАР-ТАСС

В этом году исполняется 50 лет со дня выхода когда-то очень популярного альманаха «День поэзии». В 1956 году по инициативе Льва Ошанина и Владимира Луговского было решено выпустить первый «День поэзии» и устроить праздник поэзии. Поэты читали свои стихи в клубах и книжных магазинах, давая читателям автографы на страницах свежего поэтического сборника.

Просматривая старые альманахи, я обнаружил в «Дне поэзии-1965» письмо М.В. Исаковского, где он в ответ на пожелание написать для альманаха статью о народности поэзии ответил: «Я охотно откликнулся бы на вашу просьбу, но ничего не могу поделать. Я уже давно болен. Поэтому все, что когда-то было мною задумано или даже в известной мере начато, все это стоит на месте, не движется вперед».

Он звонит знакомому поэту. Я стараюсь так не работать. Но у меня есть все же несколько песен, написанных под музыку. Но я их считаю неудачными, хотя эти песни и поются. Единственной своей хорошей песней из такого рода я считаю «Хороша страна Болгария».

– Вы писали «Любушку», имея музыку?

– Нет.

– А «Катюшу»?

– «Любушка» была написана как стихотворение. В 1935 году выходил журнал «Колхозник», предназначенный для деревни. Его редактировал А.М. Горький, которому и принадлежала идея назвать его «крестьянской газетой». «Любушку» я отдал в журнал. Ее показали композитору, который сочинил музыку. А с «Катюшей» была другая история. Я написал стихотворение, но не знал, как его закончить. Оно пролежало несколько лет у меня в столе. И как-то случайно я встретился с композитором Матвеем Блантером. Он попросил у меня стихи. Я и показал ему это незаконченное стихотворение, состоявшее всего из двух строк. Через некоторое время он приехал ко мне домой и попросил дописать стихотворение. Я в срочном порядке сделал несколько вариантов концовки. Так получилась «Катюша».

– Охотно ли пишете песни для кино?

– Нет, неохотно. Писать эти песни я соглашаюсь с большим трудом, когда пристаю с ножом к горлу. Так, однажды ко мне приехал кинорежиссер Пырьев. Он привез сценарий и стал объяснять: тут такое-то действие, сначала идет «Урожайная песня», затем то-то. По-моему, в этом случае для поэта нет свободы творчества. Когда пишешь на свою тему, под вдохновение, относишься к этому и с большей любовью. А тут вроде и темы близкие, а все-таки они привнесены извне. Не по душе мне это, я не ремесленник.

– Как вы и чем вдохновились на сочинение песни «Летят перелетные птицы»?

– Меня захватила тема. Писал я за городом. Пришло в голову, что птицы улетают, а я остаюсь. Эти не совсем понятные строки приобрели для меня особый смысл. Захотелось слово «остаюсь» повторить два раза. С этого началось стихотворение. Как оно развивалось? Постепенно. Писал я его довольно долго, около месяца. Что-то не получалось, откладывал, проходило несколько дней, опять возвращался. Наконец остановился на варианте, который полностью устроил.

– Нравится ли вам мелодия этой песни?

– Не совсем. И в этом нет ничего странного. Когда пишешь стихи, которые по твоему представлению могут стать песней, отдельные строчки напеваешь на свой невообразимый мотив, который тебе близок и кажется единственным. И вдруг потом появляется другая музыка. У Блантера тоже был другой вариант «Перелетных птиц». Та мелодия мне больше нравилась. Она была лирическая, в ритме вальса. Но композитор решил, что получилось грустно, и все переделал.

– Сколько времени уходит на создание песни?

– Как у других, не знаю. А у меня немало. Так, песню «И кто его знает...» писал недели две. Стихотворение получилось длинное. Кое-что из него потом пришлось выбросить, оставить только самое-самое важное. Песню в один присест я не написал ни разу. Работа всегда движется медленно.

– Расскажите, как вы написали знаменитые песни «Вдоль деревни» и «Ой, туманы»?

– «Вдоль деревни» – одно из моих юношеских стихотворений. Написано оно году в 1924-1925-м, музыка появилась в 1935 году. «Ой, туманы» возникла из народной строки «Ой, туманы мои, растуманы». Я ее

нашел в сборнике народных песен Киреевского. От этого оборота оттолкнулся и написал песню. Было это во время Великой Отечественной войны, в 1943 году. И совершенно естественно, что в стихах появилась партизанская тема.

– А как вы писали поэму «Четыре желания»?

– Поэма писалась очень долго. Задумал я ее в 1925 году, а написал в 1935-м. Это не значит, что я писал непрерывно все десять лет. Вначале были какие-то наброски, потом я возвращался к работе, оглядываясь назад. Возникла поэма на основании эпиграфа, который в ней есть. Мне рассказал в Смоленске один работник музея, что в какой-то волости жил человек, который о многом мечтал, но мечты его не осуществились. Возникла тема, на которую я написал стихотворение. В задачу поэзии ведь входит не только рассказать о каком-то случае, но, выражая политическим языком, сделать из него выводы. Я долго не мог завершить поэму. Но наступил 1930 год, началась коллективизация. Этот исторический поворот стал основой для окончания поэмы.

– Кто ваш поэтический учитель?

– Из классиков я больше всего люблю А.С. Пушкина и Н.А. Некрасова, причем идет это с давних пор. Так случилось, что первое стихотворение, которое попало мне в руки, когда я жил в деревне, – это стихотворение Некрасова. Оно мне понравилось, потому что было написано на близкую мне тему – о мужике, о деревне. Некрасова я считал своим духовным отцом.

– Вы придерживаетесь классического стиля в поэзии. Значит ли, что вы против современных поисков?

– Группа поэтов – Кирсанов, Асеев, молодой Горностаев, отчасти Лукин – считает, что русский классический стих устарел, что выразить таким способом новое

содержание невозможно. Они говорят, что Маяковский – новатор формы, через которую можно выразить новый дух. Есть другая группа поэтов, и, кстати, очень многочисленная (если в первой – единицы, то во второй – несколько десятков поэтов, вернее, все остальные), которая считает, что русский классический стих не устарел, что при помощи его можно выразить современную эпоху. Практика показала, что это не пустые слова. Множество произведений, получивших всенародное признание, написано классическим русским стихом.

Мое отношение к форме? Я не могу писать так, как Маяковский. Я пишу по-другому. Но это не значит, что я отрицательно отношусь к поискам в области формы. Это хорошо, что поэты ищут новые средства изображения. Другое дело, что поиски не должны быть отвлеченными, поисками ради поисков. Они должны быть продиктованы жизнью, необходимостью.

Я за то, чтобы обновлять даже классический русский стих. Стихотворение Михаила Светлова «Гренада» написано тем же размером, что и «Черная шаль» А.С. Пушкина. Этот размер тысячу раз использовали другие поэты, но Светлов внес в него что-то свое, светловское. Он спаял старую форму с новым содержанием, и получился принципиально новый поэтический сплав.

– Как вы относитесь к стихам, написанным по заказу?

– К сожалению (или не к сожалению, не знаю, как лучше сказать), приходится иногда писать стихи по какому-то случаю, в связи с каким-то событием. Я считаю, что поэт должен вложить в такое стихотворение максимум того, что он может вложить. Он должен писать в полную меру своих сил. Правда, не всегда именно так получается. Из-за спешки стихи порой не до конца удаются.

Но мы живем в такое время, что нельзя не откликаться на важнейшие события, происходящие в нашей стране и за рубежом.

– Много ли вы пишете, есть ли система в работе, когда чаще приходит вдохновение?

– Я считаю, что пишу очень мало. Тут есть сугубо мои личные причины. У меня очень плохое зрение, и я почти не могу читать и писать самостоятельно, без чьей-либо помощи. Поэтому у меня бюджет рабочего времени короткий. Вечерами работать не могу, а сочинять так, походя, в уме, не умею. У меня такая система, что я переписываю стихотворение раз пятьдесят. Напишу одну строфу, припишу другую, исправляю, перечеркиваю, потом все снова переписываю. Затем пишу следующую и опять исправляю, перечеркиваю, переписываю.

Система в работе необходима. Мой совет нашей молодой смене: если есть возможность, лучше писать ежедневно. Пусть не всегда будет выходить что-то хорошее, вы будете только потеть. Все равно работа обернется пользой. Нужно приучить себя к дисциплине, к ежедневному труду.

– Какая песня вам особенно дорога?

– В начале нашей беседы я говорил о стихах, которые могут существовать без музыки. У меня есть такие строки. Я имею в виду песню «Враги сожгли родную хату». Это песня о войне. За нее мне досталось от критиков. Была такая установка сверху, что о войне нельзя писать как о трагедии. А тут у меня – горе. Жена не дождалась мужа, ее убили враги. Эта моя песня всегда остается в тени. Ее не исполняют по радио. Но я знаю, что людей она трогает до слез. Эту свою песню я считаю своей главной удачей в творчестве о войне. Уверен, что когда-нибудь она по радио зазвучит и выйдет на пластинках.

– Хотели ли вы что-то изменить в судьбе? Считаете ли себя счастливым человеком?

– Судьба есть судьба. Она дается человеку свыше. Но могу сообщить, что ошибки в жизни были – кто же их не совершает? Я бы мог о них рассказать, но зачем? Они – мои. Что-то изменить? (Задумывается, а потом улыбается.) Вместо ответа лучше процитирую стихи одного поэта, они пришли мне по почте. Ну вот запомнились.

*Сегодняшний бы разум и достаток...
Гранатой сердце разрывая грудь, –
Как светел был бы и как был бы гладок
И тот же самый и не тот же путь.*

Прекрасные, мудрые строки. Не правда ли? Но я считаю себя счастливым человеком, даже везучим во многом. Я – поэт, меня знают в стране. Депутат еще. И вот что еще о счастье добавлю... Это состояние человека. И не всегда счастье – в хорошей биографии, в славе, достатке. Человек бывает счастлив в любви.

Анатолий ИВАНУШКИН

ВРАГИ СОЖГЛИ РОДНУЮ ХАТУ...

*Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.*

*Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?*

*Пошел солдат в глубоком горе
На перекресток двух дорог,*

*Нашел солдат в широком поле
Травой заросший бугорок.*

*Стоит солдат – и словно комья
Застряли в горле у него.*

*Сказал солдат: «Встречай, Прасковья,
Героя-мужа своего.*

Готовь для гостя угощенье,

*Накрой в избе широкий стол,
Свой день, свой праздник*

возвращенья

К тебе я праздновать пришел...»

Никто солдату не ответил,

Никто его не повстречал,

И только теплый летний ветер

Траву могильную качал.

Вздыхнул солдат, ремень поправил,

Раскрыл мешок походный свой,

Бутылку горькую поставил

На серый камень гробовой.

«Не осуждай меня, Прасковья,

Что я пришел к тебе такой:

Хотел я выпить за здоровье,

А должен пить за упокой.

Сойдутся вновь друзья, подружки,

Но не сойдись веками нам...»

И пил солдат из медной кружки

Вино с печалью пополам.

Он пил – солдат, слуга народа –

И с болью в сердце говорил:

«Я шел к тебе четыре года,

Я три державы покорила...»

Хмелел солдат, слеза катилась,

Слеза несбывшихся надежд,

И на груди его светилась

Медаль за город Будапешт.